

Желание
женщины

**Читайте
любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой
в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери

Страсть на грани

Февральская сирень

В Коктебеле никто не торопится

Людмила

МАРТОВА

В КОКТЕБЕЛЕ
НИКТО НЕ
ТОРОПИТСЯ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Оформление серии *С. Курбатова*

Мартова, Людмила.

М29 В Коктебеле никто не торопится : [роман] / Людмила Мартова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой).

ISBN 978-5-699-97277-7

Полина впервые за много лет приехала на море. В ее планы не входили курортные романы, однако в первый же день стало понятно, что она не останется без внимания сразу двоих молодых людей. Костик водил Полину по местным барам, а Никита ездил с ней на экскурсии и захватывающе рассказывал местные легенды. Однако вскоре отдых был омрачен — на пляже прямо на глазах у отдыхающих умер незнакомец, и Полина невольно стала участницей расследования. Тем более что Никита — автор детективов, ему сам бог велел не остаться в стороне, а вдвоем они и горы свернут! Интерес Полины не остановило даже нападение неизвестного. А вскоре пропала ее сестренка Оля! Пришлось погрузиться в это дело с головой и сделать весьма неприятное открытие относительно одного из новых знакомых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97277-7

© Мартова Л., 2017
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2017

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.

М. Волошин

ГЛАВА 1

Первое впечатление

*Одиночество как состояние
не поддается лечению.*

Фаина Раневская

Сидеть на парапете дальше уже становилось неприличным. Впрочем, на Полину никто не обращал ни малейшего внимания. Людская толпа неспешно, как и положено отдыхающим, текла по набережной, неяркая, раздетая, щеголяющая обнаженными плечами, коленками, загорелыми животами.

Мимо Полины шли ноги в шлепках, сабо, сандалиях, босоножках и снова шлепках. Как правило, недорогих, с вещевого рынка. Толпа на набережной Коктебеля вообще не выглядела вызывающе дорого, как в Каннах, Ницце или итальянской Католике. Правда, нигде из вышеуказанных мест Полина никогда не бывала, так что сравнивать ей было особо не с чем. Она и не сравнивала. Она вообще не смотрела на идущих мимо нее людей.

Вот уже битых полтора часа она смотрела на море. Оно билось внизу, дышало, как живое, играло в салочки с прибрежной галькой, ласково обнимало припозднившихся купающихся и хитро подмигивало Полине, сидящей на парапете, отделяющем набережную от пляжа.

Несмотря на то что их первая после девятилетнего перерыва встреча состоялась еще вчера, Полина не могла насмотреться на море, такое прекрасное это было зрелище. Да, собираясь в Крым, она подсчитала, что не была в отпуске девять лет, и сейчас, шурясь от режущих глаза солнечных бликов, от которых вода казалась не синей, а кипенно белой, Полина была абсолютно уверена в том, что провела эти девять лет впустую. Бездарно. Разве же это жизнь, когда не видишь море?!

Вчера, сразу после приезда, только-только расположившись в отведенном им номере гостевого отеля «Троянда», она поспешила на пляж, благо и надо-то было всего лишь перебежать набережную. Вода оказалась немного прохладной, сентябрь все-таки, но это не имело никакого значения, и Полина с разбега, не обращая внимания на острую гальку, добежала до глубины и поплыла, как полетела, вновь обретая свободу.

Сегодня с утра они уже пришли на пляж все вместе, загорали и купались. Бдительно следя за тем, чтобы Оля не сгорела, и после каждого купания намазывая ее кремом от загара, Полина немного досадовала на то, что не может остаться с морем наедине. Поэтому в пять часов, отведя маму и Олю обратно в номер, она наскоро приняла душ, натянула шорты с любимой майкой и заняла наблюдательный пост на балюстраде набережной, ведя свой неслышимый никому диалог с морем.

Хотелось сидеть так весь вечер, просто смотреть на море и ничего не делать. Однако Полина понимала, что со стороны выглядит странно, поэтому нехотя слезла с балюстрады и побрела по набережной, вертя головой по сторонам.

На ужин она не пошла. Мама с Олей вполне могли справиться сами, а ей есть совершенно не хотелось. В течение дня она три раза покупала на пляже вареную кукурузу. Дорвалась до детских воспоминаний, где сладкая горячая кукуруза, которую нужно было натирать солью и кусать от початка, жмурясь от того, что так вкусно, неразрывно связывалась с поездкой на море.

Правда, в детстве ее начинали покупать еще на полустанках, по перрону которых сновали бабульки, торгующие нехитрой снедью — рассыпчатой картошкой с укропом, малосольными огурцами и обязательной молочной кукурузой. Сейчас они приехали в Крым на машине, поэтому кукурузу Полина увидела лишь на пляже. В течение дня вдоль него ходили как минимум шесть продавцов, предлагающих домашнюю снедь, но Полине почему-то приглянулась одна женщина средних лет в шортах по колено, пропотевшей майке, косынке с козырьком, закрывающим уставшее лицо от солнца, и с дочерна загоревшими за лето руками и ногами.

— Горячая кукуруза. Креветки вареные. Мидии, рапан. Ежевика, малина, клубника. Трубочки с орехами, сладкая пахлава, — скороговоркой сообщала женщина. Смотрела выжидающе, окидывая взглядом устроившихся на пластмассовых лежаках и прямо на горячей гальке отдыхающих, и шла дальше, снова заводя свое: — Горячая кукуруза...

Почему-то при первой же встрече Полине ее стало нестерпимо жалко. И она тут же купила кукурузу, заслужив благодарный взгляд, и съела ее, обжигая пальцы. И когда женщина пошла мимо снова, купила второй початок, а затем и третий.

— Транжира, — ворчала мама. — Надо у тебя было деньги отобрать. Ты их так за один присест потратишь. Далась тебе эта кукуруза. — И Полина не могла объяснить ей, что и кукуруза ей действительно «далась», да так, что прямо слюна выделялась при виде солнечных початков, и помочь несчастной торговке ужасно хотелось. В том, что торговка обязательно несчастна, она даже не сомневалась.

По набережной Полина шла не спеша. Торопиться ей было совершенно некуда. Справа открылся вид на памятник Максимилиану Волошину, смотрящему на вход в кассу своего дома-музея, как будто пересчитывая купивших билеты. Полине стало смешно. У стен дома расположились уличные торговцы, вернее, художники, фотографы и народные умельцы, продающие результаты своего творчества. Полина подошла, посмотрела и тихонько отошла. Работы были скучные, ничем не выдающиеся. Папа такие называл емким словом «мазня».

На секунду, не более, глазам стало щекотно и горячо от подступивших слез, но Полина тут же справилась с собой, загнав слезы обратно, туда, где им положено находиться. Думать про папу было нельзя категорически.

С момента его смерти прошел год, но Полине по-прежнему казалось, что он вот-вот вывернет откуда-нибудь из-за угла, прямо ей навстречу. Даже в кокетельской толпе она неосознанно искала его глазами, отчетливо понимая умом, что его не может здесь быть.

Толпа вокруг менялась. В ней встречалось все больше странно одетых и причесанных молодых людей с горящими глазами, в которых метался огонь творческого поиска. Полина вспомнила, что сегодня заключительный день

джазового фестиваля, поежилась внутренне, потому что не любила ни джаз, ни творческих личностей, и не стала сворачивать в аллею к пансионату «Голубой залив», на поле возле которого и должно было развернуться основное действо концерта.

В толпе было слишком много наркоманов. Их она всегда узнавала по лихорадочному блеску глаз и не хотела иметь с ними ничего общего. Брезговала, поэтому поспешила пройти мимо, к детским аттракционам, возле которых толпились родители с малышами. На площадке висел густой детский смех, радостный и заразительный, и глаза Полины вновь защипало. О ребенке, которого она могла бы катать на каруселях и покупать которому воздушные шарики и липкое, тающее на вечерней жаре мороженое, думать было тоже нельзя, так же, как и о папе.

Она так мечтала о мальчике, которого собиралась назвать папиным именем, Георгий, Егор, и которого потеряла еще не рожденным... Горечь утрат, на которые был так богат минувший коварный год, еще не осела, не приелась. В глубине души Полина надеялась, что ее смоет соленая, тоже чуть горьковатая морская вода и можно будет начать жить заново, не ощущая постоянной, разъедающей душу боли.

Люди вокруг снова стали немножко другими. В этой части набережной прогуливались нарядно одетые семейные пары, молодые и не очень, рядом с которыми Полина вновь остро почувствовала свое одиночество. Оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что стоит у симпатичного кафе под названием «Бочка». Деревянный настил и деревянный навес сопровождалась деревянными же сто-

ликами, а в углу в полном соответствии с названием стояла большая бочка, выполняющая, по всей видимости, роль импровизированной сцены.

Полина нырнула внутрь и заняла дальний столик под деревом, откуда можно было наблюдать за окружающими, самой оставаясь практически невидимой. Есть по-прежнему не хотелось, тем более что, заглянув в меню, Полина негромко присвистнула. Цены здесь были просто атомные.

Собираясь в отпуск и разрабатывая маршрут, она особое внимание уделила вопросам питания. В Коктебеле было полно кафешек, ресторанчиков, столовых и вареничных на любой вкус и кошелек, и основная задача сводилась к тому, чтобы выбрать максимально недорогой, но при этом качественный вариант.

Судя по отзывам в интернете, излюбленным местом для большинства отдыхающих стали столовая при пансионате «Творческая волна» и бистро «Ложка». Еще вчера Полина удостоверилась в том, что отзывы не врут. Об этом можно было судить по толпам людей, которые осаждали обе вышеназванные точки. Остальные столовые были пусты и невинны, а в этих постоянно стояли очереди. По слухам, здесь никто никогда не травился, а это было основное Полинино требование к общепиту.

До «Ложки» им было идти далековато, особенно с учетом плохо ходящей на большие расстояния Оли, а вот столовая при «Творческой волне» оказалась в самый раз. Ложки-вилки и прочая посуда были чистыми, еда достаточно вкусной, а меню разнообразным. В первый вечер, заплатив за ужин на троих пятьсот рублей, Полина решила,

что больше и искать ничего не будет. Лучшее, как известно, враг хорошего.

В «Бочке» шестьсот рублей стоило одно горячее. Даже если бы Полина была голодна, то есть бы ей сразу расхотелось. За такие-то деньги... Но к ее столику уже направлялась официантка, спасаться бегством было поздно, отказываться от заказа неудобно, и, кляня себя на все лады, Полина заказала чайничек имбирного чаю за две-сти рублей.

Раскусив ее хитрость, официантка бросила на нее презрительный взгляд, но Полина выдержала его с ответной холодностью во взоре. Уж чего-чего, а твердости характера ей было не занимать, и такие мелочи, как презрение официантки, вообще не стоило принимать в расчет.

В кафе она находилась одна. Осознав этот факт, Полина снова выругала себя за неосмотрительность. Понятно же, что вечером пустыми стоят только те кафе, в которых слишком дорого. Впрочем, что сделано, то сделано, поэтому, дождавшись своего чая, Полина устроилась поудобнее.

Сидеть вот так, в кафе, пусть даже всего лишь с чаем, ей удавалось нечасто. Работая на двух работах, она редко освобождалась раньше девяти вечера, и хотя подруги частенько звали ее скоротать вечер в ресторане, она всегда отказывалась. После работы ныли не только руки, но и все тело, и, как правило, Полина мечтала лишь об одном — добраться до дома, принять горячий душ, съесть заботливо приготовленный мамой ужин и забраться в постель с книжкой или пультом от телевизора.

Днем она убирала квартиры, успевая на два, а то и на три адреса. В рюкзаке Полина всегда носила десять свя-

зок чужих ключей, потому что в качестве домработницы была нарасхват и имела ровно десять постоянных клиентов, не гнушаясь и разовых заказов. По вечерам, когда уборки заканчивались, а довольные хозяева возвращались с работы в свои чистые, прибранные ее руками квартиры, она еще подрабатывала вечерней няней. Забирала своих подопечных постарше из кружков и секций, укладывала спать малышню, родители которой решили сходить в театр или гости, помогала делать уроки, читала перед сном. Иногда, в случае необходимости, даже оставалась ночевать.

Она понимала, что ее работа совершенно непрестижна, тем более для такой умницы и красавицы, которой она с детства привыкла себя считать. Но так уж сложилась жизнь. Закончив унылый филфак, Полина ни минуты не собиралась работать в школе. Рассказывать современным деткам про Сонечку Мармеладову и искать тихую прелесть в «Медном всаднике»? Нет уж, увольте. Работа в пыльных офисах от звонка до звонка ее тоже не прельщала, а получить финансовую самостоятельность и слезть с папиной шеи, на которой и без нее умещалось слишком много народу, хотелось.

Полина была уверена, что зарабатывать деньги не стыдно любым способом, за исключением криминального. Сначала она устроилась няней к младшему брату своей подруги. Затем ее «передали по наследству» дальше. Потом Полина увидела объявление в газете о том, что требуется домоправительница в загородный особняк, и так пошло-поехало. Не всем же полком командовать!

Ее жизнь ей самой напоминала бег по кругу, в котором не осталось ничего, кроме работы, чужих квартир и чужих

детей. Вначале ей нравилось, что она такая востребованная, такая самостоятельная и финансово независимая. Она помнила, с какой гордостью покупала себе машину — не самую дорогую, но все-таки новую иномарку. Потом стало надоедать, потом стало невмоготу, а потом умер папа, и о том, чтобы бросить одну из работ, отказаться хотя бы от одной квартиры или хотя бы от одного, самого капризного ребенка, уже не могло быть и речи.

Она и малыша своего потеряла только потому, что надорвалась. И знала, что никто не виноват в ее беде больше, чем она сама. И понимала, что, повторись подобная ситуация, она снова поступила бы так же. Не на маму же было вешать задачу прокормить семью!

После смерти отца мама вообще напоминала ей маленького, потерявшегося ребенка, который бредет, не разбирая дороги, неведомо куда, смотрит затравленным взглядом, размазывая слезы по щекам, но не останавливается. В их семье все и всегда решал папа, а когда его внезапно не стало, как-то незаметно старшей в семье стала Полина. Она не сразу осознала, что вдруг превратилась из балованного, пусть и тридцатилетнего, но ребенка во взрослую, умудренную жизненным опытом женщину. А когда осознала, менять что-либо было уже поздно. Да и не хотела она ничего менять.

На деревянный помост кафе вступила незнакомка. Была она, как и Полина, совсем одна. Прошла за столик, расположенный тоже в уголке, но ближе к улице, уселась, аккуратно разместив на соседнем стуле большую сумку, представляющую собой обычный холщовый мешок на веревке. Женщина и одета была очень просто — в длин-